

СЛОВО КАТАЕВА

НЕТ, кажется просто невероятным: Катаеву Валентину Петровичу — семьдесят лет?! Приходится совершать над воображением насилие, чтобы в это поверить. Ибо молод образ автора в книгах Катаева. Таким вошел он в сознание его первых читателей более сорока лет назад, таким остается. Катаевский глаз видит зорко, точно ложатся на бумагу слова, и проза писателя, по-прежнему поэтичная, возвышена зрелой мыслью и опытом.

Сколько художников — живописцев, музыкантов, поэтов, даже талантливых, способны угадать интересы и вкус только одного поколения! И тогда создания, вызывавшие споры и шум, словно меркнут и уходят со временем в прошлое. Книжки Катаева, всегда обращенные к своему времени, шире и долговечнее этого времени. И долго будут зачитываться повестью, озаглавленной строчкой из Лермонтова, все новые и новые поколения подростков. И всегда будет белеть одинокий парус для них. И всегда их сердца будут с гордостью биться от сознания приобщенности к величию революционных событий девятисот пятидесяти года. Долгая жизнь суждена этой книге, в которой грозно-прекрасное чередуется с удивительным разнохарактерным юмором — добрым и мягким, едким и острым, с тонкой лирикой, с нежной и легкой грустью воспоминаний о далеком романтическом детстве. В этой повести авантюрный сюжет выражен с такой пронзительной поэтической силой, что по емкости я сравнил бы эту книгу с поэмой: умный и сильный художник присутствует в ней осязательно, первозданность и новизна мира передана сквозь детское восприятие, а серьезность и высокая цель сочинения далеко раздвигают его границы, делая очень значительным. Как повести больших русских писателей прошлого о их детстве адресованы читателям всем, без различия возрастов, так и «Белеет парус...» был и навсегда останется явлением не детской, а явлением большой советской, большой русской литературы, одной из тех замечательных книг, которые обошли земной шар и не только рассказали о нас, но и проникли в тысячи сердец.

И понятно, что, закончив это пленительное повествование, Катаев не мог расстаться со своими героями, как не мог сразу расстаться со своим детством Горький, не мог Лев Толстой. Одесский гимназистик Петя Бачей и маленький рыбак Гаврик Черноиваненко переселились в новую повесть — «Хуторок в степи», в которой Петя попадает за границу, знакомится в Италии с Горьким, тайно отправляет письмо одесских большевиков во Францию Ленину, становится нечаянным свидетелем доставки в Россию нелегальной партийной литературы. В третьей части этой «симфонии» — Катаев озаглавил ее «Зимний ветер» — закадычные друзья призваны на германский фронт. 1917 год. Совершается великая революция, на Украине идет борьба за Советскую власть, в которой участвуют катаевские герои. В заключительной повести «Катакомбы» московский инженер Петр Бачей вместе с сыном в июне 1941 года попадает в город своего детства и силою обстоятельств оба — и сын-пионер и отец — принимают участие в героической обороне Одессы, где подпольным райкомом руководит бывший Гаврик — товарищ Черноиваненко. Новые события, новая героика показаны здесь сквозь восприятие Пети Бачей-сына, мальчика нового поколения.

Писатель создал эпопею, охватившую пятьдесят лет истории нашей партии и нашей страны, — от первых проявлений политической активности пролетариата до конца Великой Отечественной войны. Это целая галерея достоверных и разнообразных характеров, история прекрасного черноморского города, история одной дружбы и великого испытания сердец. Но создавалась эпопея больше двадцати пяти лет, после первой части появилась четвертая, а уж потом средние две, прочтаны они были вразбивку. И, видимо, в сознании многих читателей так и не сложились в цельную, великолепно написанную картину богатой опытом и событиями жизни того поколения, к которому принадлежит сам Катаев. По-моему, они не получили еще должной оценки.

Сила этих книг в том, что жизнь предстает в них молодой и всегда удивительной, полной подвигов и высокой романтики. Романтика увлекает и в повести «Я, сын трудового народа...» и в «Сыне полка», и в нестаряющем романе с первой пятилетки «Время, вперед!», вдохновленном поездками на Днепрострой, Ростсельмаш, а более всего — на Магнитку.

Суров, лаконичен и потрясает он в трагическом рассказе «Отче наш» — одним из лучших рассказов советской литературы. Зарядительно весел в комедиях «Квад-

ратура круга», «Растратчики», «Домик»... В молодые годы поэт, потом романист, новеллист, комедиограф, фельетонист, очеркист. И во всех решительно жанрах вы узнаете сверкающий катаевский стиль: скатую, очень точную, деловую по тону речь, блестящую такою роскошью красок, таким изобилием наблюдений, подробностей, еще никем не осознанных и не схваченных и только им впервые описанных, что по изобразительной силе Катаев стоит в ряду с великими мастерами. Разве можно забыть, как под низким солнцем Черное море горит, словно магия. Или как деревья и люди кажутся нарисованными на зимнем тумане, точно на матовом стекле. Или страницу, где тюлька в рыбном ряду на одесском базаре сверкает грудками серебряной мелочи. Или на весенних пасхальных облаках выплывает боевой самолет. Можно ли позабыть светлые глаза прелестной девушки-ки Валентины с черной косточкою зрачка; старый парижский дом, по-оперному освещенный одиноким фонарем, бросающим на его дряхлый фасад слабый световой веер; бальзамический воздух острова Капри, в котором громко деревянно стрекочат дневные цикады. И пуделя, оставляющего на зимнем девственно-белом тротуаре трюфелевые следы?! Они не забываются — тысячи этих уподоблений, сравнений, благодаря которым слово Катаева становится осязаемым, зримым, пластичным, цветным...

Я читал недавно его фельетоны 20-х годов, удивляющие зоркостью иного порядка. Сорок лет назад в повседневной жизни Советской страны писатель отметил устойчивые черты прошлого мира, которые проступают еще и сейчас — черты не поверхностные, глубокие. Благодаря этому катаевская журнальная юмористика оказывается настоящей литературой. Я хохотал.

А совсем недавно Катаев обнаружил новое сочинение — «Святой колодец». Мастер напряженных и острых сюжетов, авантюрной интриги эту вещь пишет непринужденно, без прочных креплений, движимый ассоциативной связью. Многое наблюденное, пережитое, что не находило места в тугих условиях повествования сюжетного, ложится здесь, как на страницы записной книжки, заполняемой подряд в неторопливом движении мысли. Эта новая манера письма несколько не отменяет для других случаев организованного сюжета. Просто каждый раз Катаев пишет по-новому.

«Маленькая железная дверь в стене» — не очень толстая книга, в которой писатель, внимательно прочитавший все воспоминания о Ленине, прочитавший ленинские труды, побывав в местах, где Ленин жил за границей — во Франции и на острове Капри, силой художнического воображения оживает письма и фотографии, составляет свидетельства современников, следует мыслью за Лениным как биограф-художник, для которого факт не существует отдельно и умозрительно, а связывается в живую целостную картину. «Тема Ленина огромна, необъятна, а эта книга не исторический очерк, не роман, даже не рассказ. Это размышления, страницы путевых тетрадей, воспоминания, точнее всего, лирический дневник, не больше. Но и не меньше», — замечает Катаев в начале этого превосходного сочинения. Превосходного потому, что форма рождена неповторимым удивительным материалом, великою темой, а не подчиняет новый, еще небывалый образ традиционным законам жанров. Катаев создает для него и небывалую форму. Изобразительные средства неисчерпаемы — вот о чем говорит разнообразие приемов Катаева, богатство его стилей, его раскованность. Это — раскованность, которая идет от блестящего мастерства писателя, знающего цену сюжету и одинаково умеющего двигаться и по прямой и вычерчивать сложную линию.

Талант, большой опыт, блистательный, виртуозный профессионализм смолоду привлекали к Катаеву молодых литераторов. И одно из первых созданий, написанных по его совету и под его наблюдением, — «Двенадцать стульев» Ильфа и младшего брата Катаева Евгения Петрова. С тех пор сорок лет пристально следит Валентин Петрович за развитием нашей литературы, помогая молодежи вниманием, советом и ободрением. Помогая с удовольствием, по призыванию. Это необыкновенный редактор. Неслучайно именно он первым возглавил молодой журнал «Юность» и оперил многих ныне уже известных писателей. Ободрил он когда-то на первых шагах и автора этих строк, который решился от имени многих писателей и многих читателей поблагодарить этого прекрасного мастера в знаменательный день. Катаев встречает его по-прежнему в полном расцвете.

Ираклий АНДРОНИКОВ.